

ОТ АВТОРА

Этот роман не должен был появиться.

Слишком долго он оставался спрятанным не потому, что не был готов, а потому, что не была готова я.

Страх, стыд и ощущение собственной несостоятельности годами удерживали меня от того, чтобы позволить этой истории выйти за пределы моего мира. Было стыдно даже в мыслях называть себя писателем.

И всё же она здесь.

Потому что рядом со мной оказался человек, который верил в меня сильнее, чем я сама.

Мой муж.

Его уверенность оказалась громче моих сомнений. Его поддержка — сильнее моего страха.

И именно благодаря ему этот роман перестал быть тайной.

Моя жизнь никогда не была лёгкой.

В те моменты, когда реальность становилась слишком тяжёлой, меня спасали книги.

Я уходила в них, чтобы выжить.

В этих мирах было больше пространства, больше смысла, больше свободы.

И за это я благодарна своему отцу.

Именно он однажды открыл для меня эту дверь и научил не просто читать, а жить внутри историй.

Он стал моим проводником в мир антиутопии, где за вымышленными системами всегда скрывается слишком узнаваемая правда.

Я не хочу говорить много.

Возможно, потому что всё самое важное уже сказано в этой книге.

Я лишь хочу сказать, что счастлива от того, что сейчас вы держите в руках мой первый роман.

Мечты не всегда сбываются легко.

Иногда им приходится пробиваться сквозь страх, сомнения и стыд.

Но, возможно, именно поэтому они становятся настоящими.

Спасибо моему мужу за то, что сделал невозможное возможным.

Спасибо моим родителям за свободу быть собой, даже тогда, когда это выглядело как побег в вымышленные миры. Спасибо, что разрешали мне ошибаться годами, не пытались меня изменить.

Спасибо моим сыновьям за их гордость, которая не требует доказательств.

Спасибо агентству «Рукописи сгорели» за то, что по ошибке написали мне и изменили мою жизнь всего лишь одним видео звонком. Случайность превратилась в судьбу и дала этой истории жизнь.

И спасибо вам.

За то, что вы здесь.

За то, что открыли эту книгу.

Ну все, заканчиваю с предисловием... добро пожаловать в мир моих фантазий.

— ЧАСТЬ 1 —————

ГЛАВА 1

ПЕПЕЛ ЗЕМЛИ

В тот вечер Земля ещё светилась огнями миллионов окон, но каждый из этих огоньков уже был свечой на её собственных похоронах: люди спешили домой, ругались в пробках, смеялись в барах, обнимали детей, верили в завтра и даже не подозревали, что в подземных залах власти, за толстыми дверями, министры взвешивали угрозы, прижимая пальцы к металлическим кнопкам, и эти пальцы дрожали не от страха, а от тяжести слишком лёгкого решения.

Когда в 21:15 небо озарилось первым пуском, ещё оставалось место для иллюзии, будто всё можно остановить, будто хватит одного звонка, одного слова, одного жеста, чтобы погасить пожар, который только разгорался. Но через минуту последовал второй удар, затем третий, и вместе с ними умерла сама возможность спасения, умерла так же быстро, как умирает слово на губах того, кто не успевает его произнести.

И тогда небеса вспыхнули множеством солнц — жгучих, ненастоящих, бесплодных. Девять держав, ослеплённых страхом уступить, в едином безумии выплеснули в космос свои ядерные стрелы, и каждая стрела обернулась клинком, вонзившимся в тело планеты. Города, веками воздвигавшие башни и мосты, обращались в пыль. Океаны поднимались, кипели, и в этом кипении исчезали стаи, косяки, целые

миры — киты и рыбы превращались в пар, возносившийся к небесам, как последний вздох. Горы трещали, ломались, будто хребет самой Земли переламывался под ударами молота, и этот треск отзывался гулом во всех ещё живых сердцах.

В залах подземных командных центров, за толстыми сводами из бетона и стали лица мужчин, прижатые к мониторам, сияли зеленоватым светом экранов. Взгляды, ещё секунду назад холодные и рассудочные, срывались в паническое бессилие, когда стрелки приборов поползли вверх, а линии на картах, изображавшие траектории ракет, множились, сплетаясь в огненную паутину. Они нажимали кнопки, и казалось, будто пальцы действуют отдельно от разума: решение принималось мгновенно, а осознание приходило потом, вместе с тягучим ужасом. Они ещё пытались сохранять достоинство, отдавали приказы, требовали подтверждений, но голос срывался, превращался в крик, и слова тонули в гуле сирен. На лбах выступал пот, костюмы темнели под мышками, кто-то хватался за телефон, кто-то ломал ногти о металлический край пульта, а кто-то молчал, понимая, что сделанного уже не стереть.

Ударная волна, ворвавшаяся в город, смела башни и мосты, провалилась под землю, ломая броню убежищ, как бумагу. Бетонные коридоры наполнились огнём, и те самые люди, которые нажали кнопку, первыми оказались в жерле катастрофы: мониторы взорвались в лицо, металл плавился, и тела, ещё мгновение назад уверенные в своей власти, превратились в чёрные силуэты на обгорелых стенах.

Ирония была в том, что те, кто разорвал мир, даже не успели досмотреть его гибель до конца.

Земля редела, и этот рёв походил на предсмертный хрип существа, в котором трескались жилы и ломались кости, слишком долго державшие на себе тяжесть человеческого безумия. Это звучание не походило на проклятие и не несло в себе ярости, оно было густым, тянущимся, словно сама планета стонала под ножом своих детей, которые разорвали её плоть железом и огнём.

Пламя коснулось не только плоти, но и памяти. Огненные волны проглатывали всё, что веками придавало смысл человеческому существованию. Архивы исчезали в секунду, библиотеки загорались сразу всеми этажами, и тысячи страниц поднимались в воздух пылающими стаями, оборачиваясь чёрным снегом, который таял ещё до того, как достигал земли. Театры рушились без аплодисментов, музеи рассыпались в дым, и картины, веками хранившие взгляды художников, испарялись в одну миллисекунду. История, собранная столетиями, обращалась в серый поток, который ветер швырял над кратерами, где земля кипела, как гигантский котёл, разорванный изнутри.

Пламя добралось до материков и разрезало карту мира, словно художник, обезумевший от собственной силы, в ярости разрывает холст, не оставляя на нём ни одного цвета.

Американские равнины, некогда золотые хлебные поля, где волны пшеницы катились до горизонта, теперь горели ослепительно. Города обрушивались внутрь себя, проваливаясь в бездонные воронки, где кипел камень и воздух светился, как раскалённая медь. Азия раскололась, и её трещины светились красным, словно кожа умирающего титана; покрытая ожогами Европа исчезала в вязком радиоактивном тумане, плотном, как свинец, и этот туман глотал целые страны, лишая их очертаний, превращая в безмянные пятна. Льды южных земель взрывались паром, и под белым панцирем открывалась красная земля. Моря пересыхали — их дно трескалось, как керамика в печи, разлеталось на огромные плиты, между которыми струился дым, и только соль оставалась памятью о воде, поблёскивая кристаллами в белом ослеплении. Горы рушились с гулом, напоминая обугленные стены древних храмов, и воздух дрожал над ними, как пламя над погребальным костром.

В исполинских городах, где стеклянные башни превращались в жидкое месиво, толпы устремлялись в метро, в чёрные тоннели, в подвалы, веря, что стены из бетона способны спасти их от дыхания расплавленной планеты. Но глубина оказывалась не убежищем,

а печью. Люди жадно хватали воздух и обжигали внутренности так, что сами превращались в свечи, горящие изнутри.

Те, кто рвался к рекам и озёрам, видели в блеске ещё оставшейся влаги призрак спасения — прозрачные отблески, которые манили, обещали прохладу. Но вместо воды их встречал клубящийся пар, отталкивающий, раздирающий кожу. Влага исчезала прямо на глазах, поднималась белыми столбами, и ладонь, тянущаяся к зеркальной глади, встречала лишь потрескавшийся камень и соль.

На площадях, среди руин, среди костей рухнувших зданий, люди падали на колени, произносили слова, обращая их в пустоту, поднимали глаза к небу, но там не было отклика — только грохот разрывов, в которых молитвы тонули, как ноты в море глухого шума.

Матери прижимали к груди детей, пытаясь стать заслоном от жара, и сами превращались в пепел: кожа трескалась, волосы вспыхивали, и детский крик сплетался с рёвом умирающей планеты. Мужчины, привыкшие верить в оружие, вскидывали его к небу, но металл плавился, растекался в руках, оставляя ожоги и бессилие, и железо, созданное для войны, превращалось в чёрный шлак.

Многие умирали мгновенно, сгорая до тени на стенах домов, — эти тени ещё оставались, как угольные силуэты, отпечатанные на камне, напоминая, что здесь кто-то стоял секунду назад. Другие уходили медленно, корчась в жгучей агонии, когда кожа слезала, как ткань, а глаза превращались в сухие белые шары. На улицах гибли толпы, в одиночестве исчезали те, кто пытался спастись в полях, в неподвижности замирали те, кто больше не мог бежать. Каждый уход становился искрой, частью колоссального костра.

Становилось ясно: Земля не убивала людей — они сами убили себя, а планета лишь принимала обратно тела тех, кто слишком долго считал себя её хозяином.

В тот миг, когда мир трещал и ломался, будто высушенная глиняная чаша, внутри Земли пробудилось существо иного порядка. Из раскалённого нутра планеты вырвалось громадное тело — тёмное,

тяжёлое, напоминающее кита, который рвётся прочь из задыхающегося моря, увозя последние крохи человечества.

Стальные крепления ударили, как барабаны, двигатели вспыхнули огненными хвостами, и корпус, чёрный и громоздкий, прорезал облака радиоактивной пыли, прорываясь к небесам, в которых уже не было небесного света. Под ним корчилась и умирала планета, подарившая людям хлеб, воду, песни и кров, но так и не получившая благодарности; под ним трещали материки, испарялись моря, рассыпались в прах цивилизации. А над ним раскрывалась бескрайняя пустота, чуждая и равнодушная, холодная, как глаз бога, который отвернулся.

И когда Земля содрогнулась в последнем конвульсивном рывке, напоминая умирающего зверя, который тщетно пытается вдохнуть в себя воздух, от её обугленного бока оторвался один-единственный Корабль. Он уходил медленно и тяжело, будто нёс на себе всю вину человечества, и в то же время стремительно, как спасённое дыхание, которое не желает угаснуть.

Так погибла Земля.

Так началась новая история человечества.

ГЛАВА 2

РОЖДЕНИЕ

Когда планета разорвалась в огненном шраме, Вселенная не изменила хода. Звёзды продолжали жить холодной жизнью, вращаясь в галактических спиралях; кометы скользили по орбитам, квазары выбрасывали пучки излучения, и ни одно созвездие не дрогнуло от того, что исчез один маленький шар в третьей орбите жёлтой звезды.

И всё же в космосе остался след. Ударные волны ядерных взрывов прорезали атмосферу и вышли за её пределы, врезавшись в вакуум всполохами радиации, которые ещё долгие годы дрожали в эфире, словно гулкие круги на воде. Телескопы далёких цивилизаций, если такие существовали, могли бы уловить эту резкую аномалию: мгновенный всплеск гамма-лучей, сверхмощные облака рентгеновского свечения, хаотичные выбросы частиц, вырвавшихся в межзвёздное пространство.

Взрывы разметали атмосферу, подняли в космос миллиарды тонн пыли и обломков. Этот мусор вытянулся шлейфом, и ещё десятилетия после катастрофы в Солнечной системе висела дымчатая завеса, закрывавшая Солнце для тех, кто пытался бы взглянуть снаружи. Орбиты спутников нарушились: Луна получила новые кратеры, а часть астероидного пояса обогатилась осколками земных материков.

Но Вселенная осталась равнодушной. Она не знала слов «жизнь» и «смерть»; для неё исчезновение одной планеты было всего лишь мгновенной искрой, короткой вспышкой памяти, которая вырвалась и тут же погасла.

Для людей же это была вечность. Сто лет спустя новое поколение уже не помнило дождя и травы. Их солнцем стали люминесцентные лампы, их горами — переборки, их морями — резервуары с водой. Миром для них был Корабль, гулкий, как колоссальный муравейник, вращающийся в пустоте, чтобы рождалась искусственная гравитация. В иллюминаторах мелькали звёзды — далёкие, равнодушные, неподвижные, — и казалось, что Корабль не летит, а плавает в безбрежном море космоса, рассекая его тяжёлым корпусом, как кит режет океанскую толщу.

Реакторы гудели так ровно, что это гудение стало музыкой поколения: дети засыпали под этот басовый аккомпанемент, женщины мерили им время, мужчины слушали его, как собственный пульс. Металл дрожал от этого гулко-го дыхания, и каждый, кто рождался на борту, с первых дней учился различать оттенки этого звука: когда он был спокойным, когда тревожным, когда взывал к ремонту.

Он рос, этот Дом, как живое существо: добавлялись новые кольца, секции, лаборатории, сады, склады и жилые блоки. Люди в нём двигались по коридорам, как муравьи по своим ходам, каждая группа выполняла задачу, никто не имел права остановиться. Сверху вниз — иерархия, слева направо — распределение обязанностей, всё расписано, как клетки в сотах.

И всё же в этом железном мире, где жизнь подчинялась расписанию, как стрелка циферблата, оставалось одно таинство, неподвластное ни протоколам, ни законам. Рождение.

Каждое появление нового человека на свет воспринималось как маленькое чудо, как редкий миг, в котором сама сталь Корабля будто смягчалась. Женщины склонялись над роженицей не только как над телом, требующим помощи, но и как над сосудом, из которого

пробивается жизнь, что продолжает их общее плавание в пустоте. А если новорождённая принадлежала к линии Основательниц — тех, кто в первые дни гибели Земли взял на себя власть и вывел остатки человечества в космос, — рождение становилось ритуалом, приравненным к священнодействию.

В родильном блоке стояла белизна, лишённая оттенков, — стены без окон, ровные поверхности, углы сглажены, чтобы ничто не отвлекло взгляд, и лампы, горевшие так ярко, что казались маленькими искусственными солнцами. Воздух звенел чистотой, пах антисептиками и холодным металлом.

Роженица лежала на узком столе, закреплённая ремнями за запястья и голени, чтобы тело не металось от боли. Лицо её было мокрым от пота, волосы, как тёмные нити, прилипли к вискам, губы бледные и сухие. Она тяжело дышала, сжимая зубы, будто стараясь не крикнуть, — потому что знала: крик здесь не приветствуется. Её учили держать боль внутри, отдавать её себе и Кораблю не расплёскивая.

Врачебная команда стояла полукругом. Старшей была Элла. Она — высокая, костлявая женщина с острыми чертами лица, в серой накидке поверх белого халата, с серебряным знаком Основательниц на груди. Остальные — в униформе из плотной ткани графитового оттенка, поверх которой надеты белые халаты с тонкой чёрной каймой по вороту и манжетам. На лицах — прозрачные щитки, плотно прилегающие к коже, их гладь отражала яркий свет ламп. Перчатки были тонкие, стерильные, тянулись почти до локтей и поблёскивали тусклым блеском, словно в них была заключена сама идея чистоты.

— Давление падает, — шепнула ассистентка, взгляд её скользнул к Эмме. — Может... кесарево?

В белом блоке воцарилась ещё более густая тишина, даже гул реакторов будто стал мягче. Старшая медленно подняла глаза, и её голос прозвучал резко и грубо:

— Не смей. Потомки Матерей-Основательниц рождаются только естественным образом.

Ассистентка опустила голову, чувствуя, как слова Эллы легли на неё тяжестью неоспоримого закона.

— Держим дыхание в ритме, — произнесла Элла тихо.

— Вдох — выдох, — повторили остальные.

Когда часы на панели сложились в 11:11, их губы зашевелились почти одновременно. Началась мантра, сложенная ещё в первые годы плавания. Не песня, не молитва, а ритмический шёпот, который становился всё громче, сливаясь с басом машин:

*«Матерь ведёт,
Дочь рождается,
Кровь течёт в линию,
Свет приходит в Дом».*

Эти слова повторялись снова и снова, превращаясь в круг, в непрерывное звучание, в котором терялась индивидуальность каждого голоса. Казалось, что мантру произносит сам Корабль и его железо вибрирует в унисон.

Роженица приподнялась, стиснув зубы, и крик, рвущийся из неё, смешался с этой песнью. Когда девочка появилась, акушерка подняла её над светом ламп, и в этот миг мантра сменилась торжественным хором:

*«Ева идёт,
Жизнь продолжается,
Дом крепнет,
Звезда зажигается».*

Слово «Ева» прозвучало как удар колокола в замкнутом пространстве, и девочка словно откликнулась на него — её крик стал сильнее, звонче, почти дерзкий, будто этот хрупкий голос хотел перекричать сталь и гул реакторов.

Она была маленькой, мокрой от крови и влаги, кожа её казалась прозрачной, как тончайшая плёнка, сквозь которую просвечивались розовые и голубые прожилки. Волосы — тёмные, влажные, прилипшие к голове, но уже обозначающие будущую густоту. Пальцы крошечные, но цепкие: едва попав на свет, она сжала ладонь акушерки так крепко, что та на секунду замерла, — сила в этом движении была не по размеру новорождённой. Глаза ещё не раскрылись полностью, но веки дрожали, и казалось, что за ними уже копится свет.

Старшая женщина сделала шаг вперёд. На её груди поблёскивал серебряный знак Основательниц, и весь блок будто замер, ожидая её жеста. Она протянула ладонь и коснулась пальцами влажного лба младенца.

— Признана, — сказала она тихо, но это слово прозвучало громче мантры.

Советницы за стеклом в наблюдательной нише подняли руки синхронно и сделали короткий знак — три пальца, сходящиеся в точке.

Девочку завернули в ткань — грубоватую, с вышитым по краю знаком Основательниц. Женщины ещё раз произнесли её имя хором:

— Ева.

И только после этого девочку показали матери.

В это же время в соседнем блоке царила стерильная тишина. Белые стены были отполированы до матового блеска, свет падал строго сверху. Лампы горели холодным сиянием, воздух был сухим и пах растворами и железом. Вентиляция шумела ровно, как часы.

Три женщины стояли на местах, образуя полукруг. Старшая — Лира — следила за мониторами; её пальцы не отрывались от панели. Остальные фиксировали показатели роженицы: давление, пульс, насыщение крови кислородом. Каждое слово звучало отрывисто и точно:

— Давление стабилизировать.

— Пульс — сто сорок восемь.

— Уровень кислорода — семьдесят шесть.

— Записать.

Молодая женщина на столе тяжело дышала, её руки дрожали, пальцы судорожно вцепились в простыню. Она смотрела в потолок, глаза были широко раскрыты.

— Время, — произнесла Лиора.

На панели вспыхнули цифры: 11:11. На мгновение в комнате стало особенно тихо. Несколько глаз скользнули по табло, взгляд задержался, но никто не сказал лишнего.

— Внести в запись, — добавила Лиора. — Отметить совпадение. Доложить Совету.

После этих слов всё продолжилось в прежнем ритме. Команды звучали одна за другой:

— Приготовить инструменты.

— Обеспечить обогрев.

— Зафиксировать показатели матери.

Крик ребёнка прорезал тишину резко и неожиданно. Почти в ту же секунду отозвался другой голос — из соседнего блока. Два звука наложились друг на друга, и на мгновение показалось, что они идут из одного источника.

— Синхронность... — выдохнула санитарка, но тут же замолчала.

Мальчика приняли быстро и без задержек. Его взвесили, зафиксировали показатели.

— Масса — три килограмма девятьсот.

— Рост — пятьдесят три.

— Внести в протокол.

Руки двигались слаженно: обмыли, завернули в серую ткань без знаков, закрепили номер на панели. Цифра засияла красным.

— Как назовём? — спросила младшая, не поднимая глаз.

— Надо свериться с записями об умерших, — ответила Лиора.

— Вчера на церемонии сожгли двести двадцать второго. Запомнила, потому что три двойки, — заметила санитарка.

- Тогда запиши: двести двадцать второй рождён в 11:11, — прозвучал холодный голос.
- Надо обязательно доложить.
- Обязательно, — подтвердила Лиора.

Зал Совета находился в верхнем кольце Корабля, в секторе, куда вели узкие коридоры с двойными дверями и слоем гермопрокладок. Стены здесь были сделаны из сплава, который не встречался больше ни в одном отсеке: металл с примесью керамики, покрытый тонкой сеткой прожилок, словно застывший рисунок молний. Он гасил звук, делая пространство странно глухим, и каждое слово в зале казалось весомее, чем на самом деле.

Пол был выложен плитами из тёмного сплава, гладкими, как зеркало, но матовыми на ощупь; шаг по ним отдавался сухим эхом, будто под ними скрывалось пустое нутро Корабля. Вдоль стен располагались три кресла — одинаковых, тяжёлых, с прямыми спинками. На каждой спинке был выжжен знак Основательниц: круг, прорезанный языками пламени, из центра которого поднимался ствол с тонкими, но цепкими ветвями. Символ был выжжен лазером, и углубления на металле поблёскивали, словно наполнены золой. Для всех живших на Корабле этот знак значил одно: смерть Земли и жизнь, вынесенная из огня.

Сегодня одно кресло пустовало. Его гладкая поверхность темнела, как закрытая книга: третья Советница в этот час находилась в родильном блоке.

Две фигуры сидели в накидках из плотной серой ткани, спадающей до пола и полностью скрывающей силуэты; капюшоны оставляли в тени лбы и глаза. На груди каждой сиял серебряный знак — тот же круг с деревом, только уменьшенный и выгравированный вручную. Эти знаки носили только они, и каждый передавался как реликвия от предыдущей хранительницы к преемнице.